
Глава 4

На закате, как раз перед ужином, Ху Юньшэнь, так и не дождавшись за весь день своего непутёвого младшего сына, велел слуге Минъюэ отнести присланное младшим министром приглашение прямо во Дворик Нефритового Ириса, где обитал Ху Пэй.

С бестолковым сыном забот полон рот, а со слишком смышлёным — и того больше. Узы брака предначертаны судьбой, а вот долги перед детьми человек навлекает на себя сам. Да и бог с ним: малый не дурак, своего не упустит, пусть себе возится.

Вздохнув, Великий церемониймейстер отправился ужинать к своей супруге Цзи Муюнь, заправлявшей ныне всеми делами в усадьбе.

Тем временем во Дворике Нефритового Ириса Ху Пэй сладко потянулся и выбрался из-под тёплого одеяла. Поняв, что в спальне никого нет, он лениво шевельнул пальцами — на кончиках вспыхнул призрачный огонёк духовной силы. Одежды тут же скользнули к нему и сами, подобно струящейся воде, облекли его тело.

Опустившись на край постели, юноша вскинул подбородок: ещё один беззвучный пасс, и на ноги сами собой натянулись белоснежные шёлковые носки, а следом — изящные сапоги. Вот и всё.

— Эй, кто-нибудь! — позвал Ху Пэй.

Дверь распахнулась, и в комнату вприпрыжку влетела девчушка с забавными гульками на голове, перевязанными узорчатыми лентами.

— В усадьбе никого, но я ещё с улицы почуяла, как ты тратишь духовные силы, — затараторила она. — В этих краях и так ни цилкового нет, ни трав целебных, а ты добро разбазариваешь!

Впрочем, ворчание не помешало ей мимолётным жестом поманить пальцем. Тяжёлый медный таз, до краёв наполненный чистой водой, влетел в комнату по воздуху и аккуратно опустился на деревянную подставку для умывания.

Ху Пэй подошёл умыться. По её словам он без труда догадался, что бездельник Ху Сун опять сбежал играть в кости, а прилежный Ху Линь наверняка ушёл на кухню за ужином.

Сполоснув лицо, Ху Пэй взглянул на круглолицую девчушку, склонившую голову набок.

— Сяо Хуансянь, ты целыми днями сидишь взаперти. Неужто тебе не хочется погулять где-

нибудь ещё?

Чтобы оставаться рядом с Ху Пэем, который понимал язык зверей, эта кунья потворница приняла облик шестилетней сиротки. В ответ на его вопрос она недовольно надула губы, и её личико на мгновение исказилось: проступила шерстистая остроносая мордочка с оскалом острых, как иглы, зубов. Но в следующий миг она снова превратилась в улыбчивую милаху.

— Я ведь Великая бессмертная Хуан, лесной дух! На воле мне пришлось бы рыскать в поисках пропитания с утра до вечера, а у тебя еды завались. Зачем мне куда-то уходить? Или ты, А-Пэй, решил меня прогнать?

Ху Пэй лишь покачал головой.

Этой пройдохе перевалило за несколько веков, а она нацепила маску невинного дитяти, очаровав всю усадьбу сверху донизу. Даже строгая матушка сделала исключение и позволила девчужке остаться прислуживать во Дворике Нефритового Ириса. Правда, служанка из неё вышла никудышная: ленивая донельзя, днём она и пальцем не шевелила, зато по ночам развлекалась тем, что пугала кур в курятнике.

— Ты ведь выиграл то состязание? А как же обещанная курица? — Сяо Хуансянь принялась кружить вокруг него. — Я этого петуха-вояку несколько дней кряду изводила, все силы и хитрость растратила!

В этот момент во двор вошёл Ху Линь с увесистым лакированным набором судков. Завидев вертящуюся возле хозяина девчужку, он поспешил навстречу:

— Молодой господин, вы уже проснулись! Как раз вовремя — я принёс ужин. Первая госпожа велела положить побольше, чтобы и маленькой Хуан хватило.

Ху Пэй кивнул, наблюдая, как слуга и кунья девчонка принимаются накрывать на стол. Сумерки сгущались, скоро должны были зажечь первые фонари.

— А где шестой брат? — поинтересовался он.

— Завтра открываются занятия, так что третий господин запер шестого молодого господина за книгами, — ответил Ху Линь. — Ах да, чуть не забыл! Хозяин велел вам прийти к нему ещё в полдень... но вы изволили почивать, так что слуга Минъюэ просто принёс пригласительную записку. Она в кабинете на столе.

Ху Линь порывался сбежать за письмом, но Ху Пэй остановил его лёгким движением руки:

— Не нужно. Прочту после ужина.

Сяо Хуансянь с умильной улыбкой протянула ему бамбуковые палочки. Забирая их, Ху Пэй кивнул на край стола:

— Твоя доля вон там. Забирай судки и ступай к себе.

Девчушка мгновенно надулась.

— Ну и ну! Будто я собираюсь плевать в твои тарелки!

Ху Линь, уловив строгий взгляд молодого господина, поспешно переложил её часть еды обратно в коробку.

— Пойдём, сестрица Хуан. У нашего хозяина такие причуды с самого рождения. Даже с первой госпожой он за одним столом не сидит, разве что старая госпожа изредка может составить ему компанию.

Хуансянь сердито выхватила судки, не позволяя слуге помочь, но у самого порога обернулась и крикнула несносному чистоплюю, бережно протиравшему свои палочки шёлковым платком:

— Эй! Про курицу не забудь, ты обещал!

Ху Пэй даже бровью не повёл, невозмутимо приступая к трапезе. Девчонка фыркнула и скрылась за дверью.

Только тогда юноша отложил палочки и перевёл взгляд на Ху Линя:

— Ху Сун опять сбежал в притон на задворках?

Слуга замялся, пряча глаза, но в конце концов нехотя кивнул:

— Так точно, молодой господин.

Ху Пэй промолчал. Он ел не торопясь и в полном одиночестве — скромный обед из чаши риса, одного мясного и одного овощного простого блюда.

Когда тарелки опустели, Ху Линь беззвучно прибрал со стола, а юноша поднялся и прошёл в кабинет. Устроившись в кресле перед письменным столом и покачивая свисающими ногами, он устремил взор на лежавший перед ним свиток из плотной красной бумаги с золотым тиснением.

Ху Пэй подцепил край ногтем и развернул послание. Это действительно было приглашение от

младшего министра образования Чао Гана:

«Почтительно приглашаю Ху Пэя, сына Великого церемониймейстера, пожаловать завтра в Башню Бессмертных Облаков на проспекте Белого Коня, дабы разбить чашу вина и полюбоваться, как сын мой, Чао Цо, в чистых одеждах проедет верхом на коне по улицам столицы в ознаменование своей победы.

С искренним почтением, младший министр Чао Ган».

Ху Пэй лукаво прищурился и едва заметно, загадочно усмехнулся.

— Хитёр, ничего не скажешь, — пробормотал он себе под нос. — Нарочно не указал точный час. Хочет проверить, приду я или нет? А этот господин Чао Ган — человек с чувством юмора.

Сладко поспав при свете солнца, ночью сна не сыщешь. Поиграв пальцами по тиснёному узору приглашения, Ху Пэй достал из ящика стола острый складной нож и принялся аккуратно, миллиметр за миллиметром, соскабливать тончайшую золотую фольгу с роскошной бумаги. Металлическая лента послушно вилась под лезвием, не прерываясь, пока не превратилась в длинную золотую стружку.

Скатав золото в плотный блестящий шарик, он зажал его в ладони и вышел во двор.

Дикие звери просыпаются в сумерках, и Сяо Хуансянь не была исключением. Едва наевшись, она выскочила на крыльцо и, заметив направляющегося к воротам Ху Пэя, весело припустила следом:

— А-Пэй, ты куда это собрался? Возьми меня с собой!

Не замедляя шага, Ху Пэй полуприкрыл глаза и равнодушно отозвался:

— Идём. А где Ху Линь?

— Откуда мне знать? — фыркнула девчонка. — Он твой слуга, не мой. Только сдаётся мне, этот верзила Ху Сун совсем от рук отбился, а добряк Ху Линь из-за своей кротости вечно за него отдувается. Ты ведь давеча спрашивал про лоботряса, вот бедняга и побежал вытаскивать его из какой-нибудь передраги. — Она засеменила быстрее, заглядывая юноше в лицо. — Так когда ты отдашь мне мою курицу?

Ху Пэю изрядно надоело её бесконечное нытьё.

— Сколько помню, наш уговор был на одно яйцо в день, — осадил он настырную спутницу. — Разве повара обделяют тебя по утрам? К тому же резать курицу, несущую золотые яйца, — верх

глупости. Твоё нетерпение лишит тебя сотен завтраков.

— Чего?! — Хуансянь забавно вылупилась на него. — Да я каждую ночь у курятника слюной исхожу, глядя на этого напыщенного петуха! Давно мечтаю его сожрать. Ладно, пускай вожак живёт, но ведь у него есть целый гарем! Пять штук... — Она принялась загибать пухлые пальчики.

— Ты уверена, что их ровно пять? — вкрадчиво уточнил Ху Пэй.

Сяо Хуансянь запнулась и принялась пересчитывать заново, пытаясь оживить в памяти обитателей курятника:

— Так... одна, две, четыре... три, две, четыре, пять? Ой, всё, запуталась!

Ху Пэй тихо усмехнулся.

«Какая удивительная тварь. Утверждает, будто прожила на свете несколько веков, а умишка не хватает даже на то, чтобы сосчитать птиц. Стоит лишь добавить каплю сомнения, как её счёт летит к чертям».

— Всё не так! — топнула ногой девчушка, багровея от досады. — Кухарка Ляньчжоу говорила мне... сколько же она говорила? Совсем ты меня запутал, лис злосчастный!

Ху Пэй замер на полушаге у самых ворот и медленно повернул голову. Он пристально посмотрел на пухлое личико девчонки, а голос зазвучал пугающе мягко:

— Что ты сказала?

— Ой... — Перепуганная Хуансянь попятилась, судорожно ткнув пальцем в густую листву, сквозь которую едва проглядывал серп молодой луны. Она задрала голову, делая вид, будто любуется небом, а сама лихорадочно забегала хитрыми глазками. — Я говорю... Ляньчжоу уверяла, что несушек всего четыре, а остальные — просто приятели нашего петуха-генерала. Значит, их тоже можно съесть!

— Вот как? — Юноша тоже скользнул взглядом по бледному полумесяцу и загадочно улыбнулся. — Сделай вот что: отвлеки караульных у задних ворот. Насчёт нашего уговора... Я обещал тебе по яйцу в день. Выходит, за месяц набегает целых тридцать штук. Скормишь несушку — останешься на бобах. Но если ты наберёшься терпения и не тронешь яйцо, из него вылупится цыплёнок, которого со временем тоже можно будет пустить на жаркое. А если и его пощадишь, он вырастет в новую курицу, и яиц у тебя станет вдвое больше. Глядишь, скоро будешь лакомиться по два раза на дню...

Голова лесной разбойницы пошла кругом от этих сложных математических вычислений, но она

непроизвольно облизнула губы. В полумраке подворотни её глаза на мгновение вспыхнули потусторонним изумрудным огнём.

— А... а если я буду есть их через день? — взволнованно зашептала она. — Сколько тогда у меня накопится кур и яиц?

— Без счёту, — отмахнулся Ху Пэй, мельком глянув на угол забора. Ему вовсе не хотелось созерцать это звериное сияние в её глазах — не хватало ещё, чтобы усадебные стражники почуяли неладное. — Живее, уведи сторожа.

— Ладно-ладно, чур, яйца с тебя! — хихикнула девчонка. Она мгновенно упрятала вырывающуюся наружу демоническую ци и шмыгнула за угол каменной арки.

Ху Пэй бесшумно следовал за ней, как вдруг до его слуха донёсся тихий шорох у самого фундамента. Он скользнул взглядом в темноту: из норы под стеной как раз выбиралось семейство полёвок, решившее поохотиться за крошками.

«Эй, гляди, куда это направляется наш благородный господин Пэй?» — пискнул старый мышинный отец.

«Не знаю, — отозвался его шустрый сынок, наострив ушки. — Может, увязаться за ним?»

«Не смей! — заволновался старик. — Мать заждалась нас с припасами! Куда ты, глупый... А ну вернись!»

Голоса раздосадованных грызунов настойчиво звенели в ушах Ху Пэя, но юноша лишь набрался терпения, позволяя серым лазутчикам семенить поодаль.

Тем временем Сяо Хуансянь, не мудрствуя лукаво, вплотную подступила к старому привратнику Даю:

— Дедушка Дай, ну выпусти меня на минутку на улицу! Ху Сун и Ху Линь ушли, и те бездельники из западного флигеля тоже шастают за ворота. Думаешь, я не знаю? Выпусти, ну пожалуйста!

Старик Дай, которого девчонка немилосердно трясла за рукав, едва не валился с ног, но ворота держал на запоре:

— Негоже малой девке по ночам шататься, егоза. Парни-то побежали кости бросать — удумали новую забаву, у всех умы начисто отшибло. А ты сиди дома, целее будешь. Давай, марш в постель.

Ху Пэй понял, что от упрямства девчонки толку мало. Решив взять дело в свои руки, он склонился к спящим у лодыжек грызунам и едва слышно шепнул:

— Стяните-ка кошель у него с пояса. Да поживее, не то прибьёт.

«Сынок, ты слышал это?» — изумлённо пискнул мышиный отец.

Но молодой мышонок уже стрелой рванулся вперёд.

«Какая разница! Голос такой сладкий, у меня аж сердце зашлось! Сделаю всё, что попросит!»

— Ой-ёй, это ещё что такое?! — подпрыгнул на месте старик Дай.

Раздался отчаянный мышиный писк, следом за которым на каменные плиты с глухим стуком и звоном посыпались медные монеты.

— Ах ты тварь обнаглевшая! Прямо на пояс залезла! Ну погоди, раздавлю воришку!

Сяо Хуансянь запрыгала от восторга: молодой мышонок тащил кошель, а старик путался у привратника под ногами, мешая прицелиться — умора, да и только! Пользуясь тем, что рассвирепевший дед погнался за грызунами в темноту двора, Ху Пэй неспешно вышел на свет.

— А-Пэй, твоих рук дело? — заливалась смехом девчонка. — Старик Дай теперь до утра будет этих мышей гонять!

Юноша лишь недовольно наморщил нос и указал подбородком на массивный засов. Хуансянь тут же подскочила, отодвинула щеколду и церемонно поклонилась:

— Прошу вас, девятый молодой господин.

Они выльнули наружу, растворившись в прохладном мраке глухого переулка. Дорога вела вдоль обмелевшей речушки, чья водная гладь тускло серебрилась под полумесяцем. Оба ребёнка ничуть не боялись темноты и уверенно шагали вперёд.

Впереди, под убогим навесом из старой соломы, брезжил тусклый свет масляного рожка. Ветер колыхал тени на стене, превращая их в причудливые силуэты. Из укрытия доносился приглушённый, но полный азарта гул голосов:

— Больше! Меньше! Ставлю всё!

Ху Пэй остановился в густой тени старого дерева. Заметив это, Сяо Хуансянь удивлённо

спросила:

— Чего стоим? Почему не идём дальше?

— Зараза эта въедается в самую душу, — тихо, с горьким вздохом отозвался Ху Пэй. В его глазах отразилась недетская печаль. — Даже императорскими указами её не искоренить. Пройдёт время, и кости заполонят всю империю Великую Чжоу.

Столь мрачным верный спутник бывал редко. Девчушка недоумённо пожала плечами:

— Да ладно тебе, им же весело. Зачем запрещать то, что приносит радость?

— Радость эта мимолётна, а расплата за неё горька, — юноша прищурился, глядя на колышущиеся тени. — Тот, кто поддастся искушению, завтра пустит по миру жену и детей, заложит последнее имущество и закончит жизнь в сточной канаве. Разве ты не видишь, как чернеют и угасают их жизненные ауры?

Сяо Хуансянь покачала головой.

«Уж чья бы корова мычала. Сам-то стоишь во мраке, чернее самой глубокой ночи, а туда же — чужой свет мерить».

Заметив её недоверие, Ху Пэй лишь мысленно вздохнул.

«Глупая лесная зверушка. Веков прожила немало, а ума не нажила — совсем не умеет заглядывать в будущее».

Он перекатил в ладони золотой шарик и решительно шагнул из темноты к свету.

Под навесом у колченогого стола теснились восемь мужчин в грубых холщовых рубахах. Заправлял игрой не кто иной, как слуга Ху Сун, а верный Ху Линь безуспешно хватал его за локти, пытаясь оттащить от стола.

— Давай, мечи! — орали игроки. — Ху Линь, отвали от него, наши монеты уже на кону! Открывай кубок!

— Точно, Ху Сун, не тяни кота за хвост! Чай, при дворе девятого господина служишь, не позорь хозяина трусостью!

— Открывай! Открывай!

— Слыхал я, этот ваш девятый молодой господин смазлив пуще девки, неженка этакая...

— Эй! С чего это открывать, если мы ещё не поставили? — звонко выкрикнула из-за спин Сяо Хуансянь.

Мужчины у стола разом обернулись. Стоило Ху Суну завидеть фигуру за спиной девчонки, как он мгновенно вскочил, опрокинув табурет, и забормотал, бледнея:

— Мо-молодой господин...

Ху Линь тут же выпустил рукав приятеля и протиснулся сквозь толпу к Ху Пэю:

— Господин, зачем вы здесь? Ночью на этих улицах небезопасно!

Ху Пэй молча шагнул вперёд. Собравшиеся невольно расступились перед ним, уступая дорогу. Среди игроков он сразу приметил троих слуг из западного флигеля усадьбы Ху, остальные были сбродом из соседних кварталов.

— Слышал я, забава эта на редкость увлекательна, — небрежно произнёс Ху Пэй, окинув взглядом разметку стола. — Что ж, пожалуй, и я попытаю удачу. На что ставить? На большее или на меньшее? Пусть будет большее.

С этими словами он с глухим стуком опустил на сектор «Больше» золотой шарик. Он впился взглядом в дрожащие, побелевшие пальцы испуганного Ху Суна.

— Мечи.

Игроки переглянулись, не зная, как себя вести, но тут Сяо Хуансянь нетерпеливо прикрикнула:

— Ну же, чего застыли? Наш господин желает повеселиться!

Оцепенение спало, и притон взорвался грубым хохотом:

— Надо же, сам девятый господин Ху снизошёл до нашей конуры! Ну, мечи, Ху Сун, не робей!

— Открывай! Посмотрим, улыбнётся ли удача молодому господину!

— Ху Пэй — не чета своим братьям, у него деньжата водятся. Давай, открывай!

Дрожащими руками Ху Сун приподнял бамбуковый стакан. На деревянной доске лежали кости:

один, три и два. В сумме шесть. Меньшее.

Слуга едва не лишился чувств. Молодой господин поставил золото на «Больше»... Всё пропало.

— Какая скука, — разочарованно протянул Ху Пэй, даже не взглянув на проигранную ставку. — Проиграл. Забирай выигрыш, Ху Сун. А ты, Ху Линь, пойдём домой.

— Слушаюсь, господин, — облегчённо выдохнул тот и вместе с Сяо Хуансянь поспешил за хозяином, который уже развернулся и уходил в ночную прохладу.

Ху Сун лихорадочно сгрёб со стола золото и оставшиеся монеты, собираясь потихоньку улизнуть. Однако чужаки мигом преградили ему путь, не давая шагу ступить.

— Эй, Ху Сун, выиграл золото и сразу в кусты? — прищурился один из заправил. — Так дела не делаются!

— Точно! Мечи дальше, не вечно же тебе как сыру в масле кататься. Мы отыгаться хотим!

— Братцы, побойтесь неба! — взмолился перепуганный слуга, прижимая драгоценный узелок к груди. — Молодой господин лично за мной приходил, мне нужно вернуться в усадьбу!

— Да брось ты! Твой барин сам не прочь кости кинуть. Все знают, как в клане Ху умеют денежки считать. Девятый господин просто потешился разок и ушёл, он тебя обратно не звал. Давай, садись за стол!

— И то верно! Сдавай!

Трое прихвостней из западного флигеля, почуяв, что пахнет жареным, незаметно выскользнули из-под навеса и припустили наутёк. Ху Сун же остался один на один с недовольной толпой. Он пытался совать им медяки, умолял отпустить, но азартные игроки стояли насмерть — им нужно было отыграть потерянное золото, а жалкие подачки их не интересовали.

Один из оборванцев ухватил его за ворот и грозно ухмыльнулся:

— Мы люди честные, чужого без боя не берём. Выиграем у тебя — тогда и заберём монеты. А пока — бросай кости!

— Точно! Играй, мерзавец!

<http://bllate.org/book/18313/1758268>